

1.

Идею религіозной нетерпимости представителямъ ученія любви и милосердія привили гоненія на нихъ же самихъ. Укрѣпленное страданіями, душевной стойкостью, высшимъ экстазомъ духа, христіанство воздвигло тотъ же мечъ внѣшней власти противъ инако вѣрующихъ во времена своего мірового владычества. Христіанство общинъ, отверженныхъ, гонимыхъ, страдающихъ за вѣру, чающихъ только царствія небснаго, знало лишь внутренній мечъ убѣжденія и религіозныхъ идей. Христіанство могущественныхъ государствъ соблазнилось мечомъ тѣлеснымъ, мечомъ внѣшней власти и принялось утверждать свое могущество, свою пышную власть, свой внѣшній блескъ огнемъ и мечомъ, кровью и муками гонимыхъ.

Такъ осуществили на землѣ религіозную утопію Назарейскаго Благовѣстника, исказивъ самую сердцевину и сущность этого ученія. Недаромъ въ основѣ его лежала идея отрицанія внѣшняго міра и утвержденія міра потусторонняго: внѣшняя дѣйствительность и идея земного устройства отрицались назарейскимъ ученіемъ и отрицали его. Ученіе это во всей ослѣпительной силѣ своего идеализма утверждалось лишь немногими избранными индивидуальностями, родствен-

ными Учителю особыми свойствами духа. Таковы были: Іоаннъ Богословъ, которому приписываютъ созданіе Апокалипсиса, св. Францискъ Ассизскій и нѣкоторые другіе восторженные мечтатели, сердце которыхъ воистину пылало восторгомъ предчувствія неизъяснимаго духовнаго блаженства въ царствіи небесномъ.

Сочетаніе идей потусторонней религіи и государственнаго могущества должно было окончиться поглощеніемъ и искаженіемъ одного какого-либо начала. Первоначальная христіанская община не имѣла никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ приуготовленія къ смерти, открывающей входъ въ вѣчность. Земная жизнь, какъ самоцѣль, отрицалась. Все земное должно кончиться во имя небеснаго. Человѣчество живетъ для полнаго воспріятія Христовой истины и, осуществивъ ее, исчезаетъ въ этой истинѣ. И земная, внѣшняя жизнь исчезаетъ. Такъ, идея потусторонней вѣчной истины должна была поглотить и уничтожить всѣ цѣли земного могущества и устройства, всѣ планы внѣшней жизни. Но борьба двухъ началъ въ общественномъ устройствѣ людей кончалась пораженіемъ идеалистическаго начала, зовущаго отъ временнаго земнаго къ вѣчному небесному, и утвержденіемъ начала крѣпкаго и трезваго земнаго устройства.

Когда сынъ Констанція Хлора понялъ, „какую выгоду для имперіи и династіи можетъ принести религія, предписывавшая покорность власти, равнодушіе къ политическимъ правамъ и къ земнымъ благамъ, религія, искавшая идеаловъ въ загробной жизни“, онъ сдѣлалъ ее господствующей государственной религіей и въ такомъ видѣ привилъ ей цѣли государственнаго могущества и заставилъ ее служить цѣлямъ этого могущества. Свѣтская власть взяла подъ свое покровительство служителей христіанскаго куль-

та и воздвигла мечъ противъ инако вѣрующихъ. Но уже недалеко было время, когда власть духовная сама возьметъ стальной мечъ и обогреть его кровью сектантовъ и еретиковъ.

Вначалѣ она лишь теоретически подтверждала правильность воздвигнутыхъ на еретиковъ гоненій и старалась согласовать основы евангельскаго вѣроученія съ этими гоненіями. Конечно, это возможно было дѣлать лишь съ большими натяжками. Но среди отцовъ церкви находились высокіе умы, которые боролись противъ внѣшняго принужденія въ дѣлахъ религіи и противъ насильственного внѣдренія государственной религіи путемъ казней и пытокъ. Таковы были: Оригенъ, допускавшій религіозную побѣду лишь путемъ убѣжденія; Тертулліанъ, говорившій, что „свобода слѣдовать той или иной вѣрѣ основывается на правѣ естественномъ и человѣческомъ, такъ какъ образъ исповѣданія одного лица не можетъ причинить ни зла, ни добра другому. Вѣра не имѣетъ надобности противодѣйствовать кому-либо, ибо надо, чтобы она была свободной, а не внушена силой“ Лактанцій высказывалъ убѣжденіе, что „вѣру надо защищать, не убивая, а умирая за нее... Религія перестаетъ существовать, какъ только исповѣдующій ее лишенъ воли“.

Григорій Назіанзинъ и Іоаннъ Златоустъ также высказывались противъ принужденій въ дѣлахъ вѣры, утверждая свободный выборъ ея и свободное исповѣданіе.—„Христосъ не позволялъ уничтожать заблужденіе силой; людей можно вести только убѣжденіемъ, разумомъ и любовью“.

При Константинѣ Великомъ начались звѣрскія гоненія противъ признанныхъ еретиками аріанъ. Сектанты-аріане исповѣдывали ученіе вождя ихъ Арія, одно изъ положеній

котораго, признанное кощунственнымъ, гласило, что Христосъ, Сынъ Божій, не равенъ Богу-Отцу, но рожденъ имъ. Книги аріанъ были сожжены, подъ страхомъ смертной казни запрещалось имѣть ихъ и скрывать.

Императоръ Діоклетіанъ издалъ эдиктъ, осуждавшій на костеръ послѣдователей секты манихейстовъ.

Манихейсты вѣровали по ученію нѣкоего Манеса, восторженнаго мечтателя, обладавшаго дивнымъ даромъ слова и дѣйствовавшаго силой страстнаго внутренняго убѣжденія и чистотой своей идеалистической жизни. Онъ жилъ въ III вѣкѣ до Рождества Христова, былъ родомъ изъ Индіи и училъ, что Богъ разлитъ во всемъ сущемъ, но раздѣлялъ правящую міромъ силу на два начала: доброе и злое.

Вообще дуализмъ свойствененъ всѣмъ сектантскимъ еретическимъ вѣроученіямъ, они логически исходятъ изъ евангельской идеи, что „міръ лежитъ во злѣ“, что была необходимость божественнаго его искупленія, что земное есть нѣчто подлежащее преодолѣнію и окончательному уничтоженію. И, слѣдовательно, все реальное внѣшнее, „во злѣ лежащее“, съ чѣмъ человѣку *необходимо бороться, чтобы не погибнуть*, не можетъ быть порожденіемъ Бога любви и вѣчнаго свѣта. Все это есть созданіе темнаго духа зла, могущественнаго лишь въ земномъ преходящемъ мірѣ, гдѣ человѣкъ еще слабъ въ своей земной грѣховной оболочкѣ. А когда земное все преодолѣется и минетъ, тогда въ бытіи вѣчномъ исчезнетъ и власть злого Духа.

Манесъ, согласно вышесказанному, училъ, что доброе начало въ человѣкѣ оковано плотью. Плоть—это отъ злого бога; разумъ человѣческій—отъ добраго бога. Жизнь пло-

ти—жизнь зла и служеніе Сатанѣ. Отъ этого зла освобождаетъ Христосъ, это самъ добрый Богъ. Силою его происходитъ очищеніе души еще въ земной жизни. Послѣ чего душа въ странствіи своемъ по небеснымъ пространствамъ переживаетъ стадіи послѣдовательнаго очищенія и восхожденія все на высшую ступень чистоты и совершенства. Такъ душа оmyвается въ большомъ озерѣ на лунѣ и принимаетъ окончательное огненное очищеніе въ царствѣ солнца. Воскрешенія во плоти Манесъ не признавалъ.

Это поэтическое ученіе имѣло многихъ послѣдователей, и маленькая община скоро разрослась въ большую секту. Діоклетіанъ осуждалъ ихъ на костры. Императоръ Θεодосій (въ IV вѣкѣ) издалъ драконовскіе законы противъ ересей вообще и манихейцевъ въ частности. Начались кровавыя преслѣдованія и убійства христіанъ. Въ большомъ ходу были секретныя доносы противъ религіозныхъ ересей, и въ этомъ уже какъ бы преобладаало то глубокое развращеніе нравовъ, которое принесла съ собой Великая Инквизиція съ ея идеей религіознаго преслѣдованія и насильственнаго спасенія души грѣшника.

Манихейцамъ запрещали наследовать имущество, ихъ отторгали отъ общественной и торговой жизни, они не имѣли права торговать, имущество ихъ конфисковывали, ихъ приговаривали къ изгнанію и наказывали плетью, если не приговаривали къ смертной казни.

Всѣ эти гоненія влекли за собой какъ паденіе нравовъ, торжество грубой силы надъ свободной мыслью и вѣрой, озвѣреніе, привычку къ крови, убійству и звѣрствамъ, такъ и фактическій великій уронъ дѣлу культуры. Греческое и римское искусство, науки, философія признаны были вредными и противорѣчащими духу христіанскаго ученія,—ихъ

искореняли. Такъ, въ IV вѣкѣ разрушали дивныя созданія искусствъ въ языческихъ храмахъ и закрывали философскія школы Александріи и Антіохіи.

Это, съ другой стороны, неизмѣнно влекло за собой и совершенно особое пониманіе духа христіанскаго ученія. Оно должно было своеобразно измѣниться. Такъ и случилось. Историкъ проф. Н. Осокинъ („Исторія альбигойцевъ и ихъ времена“) отмѣчаетъ это: „...Христіанство измѣняетъ свою тактику. Законы Іеговы, взятые изъ книги Второзаконія, были услышаны съ высоты императорскаго престола, какъ наставленія неба. Церковь, какъ бы отстраняя новыя опасности, стала вдругъ воинствующей и крайне нетерпимой. Она запрещала, буквально со словъ Моисея, щадить идолопоклонниковъ, вступать съ ними въ родство, повелѣвала разрушать ихъ жертвенники и спалить идоловъ и даже истреблять всѣ народы, которыхъ предастъ Господь. *Изъ Бога милосерднаго и всепрощающаго она сдѣлала Бога страшнаго*“.

2.

Въ V вѣкѣ всѣ эти гоненія, духъ религіозной нетерпимости подтверждаетъ своимъ ученымъ авторитетомъ богословъ, проповѣдникъ и ученый блаженный Августинъ, который явился какъ бы апостоломъ гоненія. Впослѣдствіи властью папъ онъ былъ канонизированъ и признанъ блаженнымъ за свою неутомимую борьбу съ еретическими ученіями и преслѣдованіе еретиковъ.

Августинъ въ молодости принадлежалъ къ сектѣ манихейцевъ и былъ преданнымъ ученикомъ Амвросія Медиоланскаго, возстававшаго противъ гоненія и казней еретиковъ. Подъ влияніемъ Амвросія онъ перешелъ въ католичество и

сталъ яростно бороться противъ еретическихъ ученій. Вначалѣ онъ, какъ и его учитель Амвросій, боролся исключительно на почвѣ идей и убѣжденій, направляя свою энергію противъ ересей донатизма и пелагіанизма, также дуалистическихъ сектъ, которыя въ различныхъ мѣстностяхъ принимали различныя названія въ зависимости отъ проповѣдниковъ, распространявшихъ эти ученія.

Но, натура страстная и нетерпимая, Августинъ вскорѣ не выдержалъ чисто умственной борьбы и состязанія исключительно идейнаго. Онъ сталъ проповѣдывать идею нетерпимости по отношенію къ еретикамъ, необходимость внѣшней борьбы съ ними, искорененія ихъ. И всю свою могучую логику и свой гибкій діалектическій умъ направилъ на оправданіе нетерпимости и религіозныхъ насилій. Какъ рѣзко измѣнился Августинъ во второй періодъ его борьбы и дѣятельности вообще, видно изъ страницъ его первоначальныхъ трудовъ, гдѣ онъ ратовалъ за свободу мнѣній и убѣждалъ относиться съ величайшей осторожностью къ дѣламъ религіозныхъ убѣжденій другого.

Обращаясь къ манихеямъ, ученіе которыхъ онъ только-что оставилъ, знаменитый проповѣдникъ произносилъ слѣдующія гуманныя слова: „Пусть поступаютъ жестоко съ вами тѣ, кто не знаетъ, какъ трудно найти истину и избѣжать заблужденія, какъ трудно одержать побѣду спокойствіемъ благочестиваго чувства надъ увлеченіями плоти. Сколько тяжелыхъ усилій стоитъ открыть глаза внутреннему человѣку, чтобы онъ могъ видѣть то солнце, которое должно его освѣщать,—не матеріальное солнце, которому вы поклоняетесь (хотя оно одинаково свѣтитъ какъ для животныхъ, такъ и для людей), но то, о которомъ сказалъ пророкъ: солнце правды встанетъ для меня; то солнце, о ко-

торомъ сказано въ евангеліи: истинный свѣтъ, освѣщающій всякаго человѣка, являющагося въ этотъ міръ! Пусть будутъ жестоки къ вамъ тѣ, кто не знаетъ, сколько страданій и слезъ стоить познаніе Бога, какое бы оно ни было малое, и, наконецъ, всѣ тѣ, кто никогда не выпадалъ въ тѣ заблужденія, которыя васъ увлекаютъ. Что же касается до меня, которому понадобилось столько лѣтъ и трудовъ, чтобы познать простоту божественной сущности, безъ примѣси пустыхъ суевѣрій,—я ни въ какомъ случаѣ не могу сурово обращаться съ вами. Я долженъ терпѣливо переносить васъ и быть по отношенію къ вамъ такимъ же терпимымъ, какъ были со мной окружающіе меня въ то время, когда я былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и самыхъ ослѣпленныхъ послѣдователей вашего ученія“

Но эта гуманная точка зрѣнія вскорѣ исчезла со страницъ и изъ проповѣдей Августина, и онъ сталъ настойчиво внушать суровую нетерпимость и насиліе надъ еретиками, оправдывая эти жестокія идеи своеобразнымъ пониманіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ евангелія, а также казуистическими доводами насчетъ блага самого же осужденнаго и гонимаго еретика. Своей прежней умѣренности и терпимости онъ стыдится. „Я былъ неопытенъ,—говоритъ онъ,—и не понималъ, какая отъ этого можетъ произойти безнаказанность зла, и не догадывался, какое обращеніе къ лучшему можетъ произойти примѣненіемъ дисциплины“ И вотъ раздаются первыя проповѣди насилія, причемъ Августинъ положилъ начало казуистическимъ доказательствамъ необходимости, полезности и даже блага насилія. Аргументація его при этомъ такова.

„Еретикъ,—разсуждаетъ онъ,—конечно, нашъ врагъ. Но по христіанскому ученію надо и врага любить и творить добро.

Вотъ почему нельзя еретика оставить въ покоѣ и предоста-
вить его собственному заблужденію и неизбежной гибели
въ геенѣ огненной. Заботясь объ его душѣ и спасая его даже
вопреки его собственной волѣ, мы совершаемъ богоугодное
дѣло и спасаемъ человѣческую душу отъ конечной гибели
въ рукахъ дьявола. „Пусть лучше погибнетъ тѣло еретика,
чѣмъ его душа. Мы предадимъ его мученіямъ и страхомъ
пыттокъ и смертной казни вынудимъ отреченіе отъ ереси и
всѣхъ заблужденій его ума. Если же упрямый еретикъ,
твердость духа котораго, несомнѣнно, поддерживааетъ самъ
дьяволъ, будетъ упорствовать въ своемъ заблужденіи, мы
предадимъ его въ руки свѣтской власти, которая рѣшитъ
дѣло костромъ. И огненнымъ очищеніемъ мы спасемъ все-же
душу грѣшника и возвратимъ его въ лоно вѣчной истины.
Терпимость въ данномъ случаѣ,—разсуждаетъ Августинъ,—
была бы преступленіемъ. Спасемъ грѣшника желѣзомъ и
огнемъ“

Свой главный трудъ „Градъ Божій“ бл. Августинъ по-
святилъ разсужденію о религіозныхъ судьбахъ человѣче-
ства, причемъ весь міръ раздѣлилъ относительно христіан-
ской истины на правыхъ и неправыхъ. Правые наслѣдуютъ
вѣчное блаженство, неправые—вѣчную смерть и мученія.
Въ этомъ же трудѣ находится знаменитый аргументъ Авгу-
стина, въ которомъ дѣло религіознаго насилія подкрѣпляет-
ся священнымъ авторитетомъ евангелія. Приводя притчу
Христа о гостяхъ званыхъ и избранныхъ, которыхъ госпо-
динъ послалъ звать на дорогу своего раба, Августинъ вы-
раженіе „убѣдить притти“ замѣнилъ намѣренно выраже-
ніемъ „понуудить притти“, въ чемъ звучалъ уже явно мо-
тивъ принужденія, силы. На это часто опирался самъ Авгу-
стинъ и на это опирались долго послѣ него другіе теоре-

тики религіознаго насилія, находя въ трудахъ Августина сильное подтвержденіе для своихъ доводовъ.

Сочиненія Августина вообще являлись могучей опорой для отцовъ инквизиторовъ. Въ его сочиненіяхъ они нашли первоначальное утвержденіе необходимости имѣть въ духовной власти для еретиковъ судей, а въ свѣтской—палачей. Но въ своемъ расцвѣтѣ инквизиціонная власть сосредоточила въ рукахъ духовенства роль и судьи, и палача вмѣстѣ.

„Церкви и православные монастыри жгли; людей мучили, кому отсѣкали руки и ноги, кого убивали; женщинъ жгли медленнымъ огнемъ и потомъ клеймили, непокорныхъ толпами отправляли въ африканскія степи, предварительно изувѣчивъ ихъ“ Такія явленія были въ порядкѣ вещей.

Для того, чтобы сила преслѣдующей ереси власти была абсолютно независимой и полновластной въ своихъ распоряженіяхъ, для того, чтобы убѣжденія всего христіанскаго міра находились подъ фѣрулой религіозной власти, необходимо было утвердить идею единства и централизаціи Западной церкви, подчиненія ей внѣшней государственной силѣ.

Борьба за это единство и полновластіе тянулась столѣтіями. Средневѣковый міръ, въ которомъ религіозныя вѣрованія имѣли самое могущественное вліяніе на человѣка, когда глубокий мракъ незнанія и суевѣрія озарялся фантастическими вспышками религіозныхъ экстазовъ и безумій,—отдавалъ общественное устройство въ полное подчиненіе духовныхъ властей. И если бы духовенство, въ рукахъ котораго медленно, но вѣрно сосредоточивалась вся сила и власть міроуправленія, было вѣрно завѣтамъ Назарейскаго Учителя, міръ давно уже являлъ бы собой райскую общину, основанную на любви и высшей мудрости.